

О так называемых «Древнетюркских неурядицах»

А.Д. Грач

В разделе «Дискуссии и обсуждения» журнала «Советская тюркология» (1977, № 5, стр. 44-46) была опубликована статья Л.Р. Кызласова «„Древнетюркские” неурядицы», содержащая резкую критику предложенной мною интерпретации группы памятников древнетюркского времени, обнаруженных в Туве — у северной границы котловины Больших Озёр Монголии [1]. В этой же статье критике подверглись тюркологи-лингвисты покойный И.А. Батманов — профессор, академик Академии наук Киргизской ССР и З.Б. Арагачи (Чадамба) — старший научный сотрудник Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, охарактеризованные автором статьи как лица, по меньшей мере недостаточно компетентные. В интересах восстановления научной истины я вынужден выступить с настоящим ответом.

Л.Р. Кызласов категорически отвергает предложенную нами датировку комплекса Хачы-Хову древнетюркским временем и относит его ко времени «уюкской» культуры, то есть к скифскому времени.

Комплекс Хачы-Хову включает две примыкающие друг к другу подчетырёхугольные оградки, внутри которых установлены стелы с высеченными на них знаками и изображениями [2]. (45/46)

Относя этот комплекс к древнетюркскому времени — к ранней его поре (VI-VII века нашей эры), мы исходили из сообщений письменных источников о господстве обряда трупосожжения в этот период, из того, что изображения на стелах относятся к древнетюркскому времени, из явных линий связи между каганскими комплексами на Орхоне и памятниками тюркской местной знати, исследованными нами в долине Хачы-Хову и в верховьях Хемчика. При этом хронологический разрыв между орхонскими и тувинскими комплексами говорил лишь о том, что определенные традиции I каганата сохранились и во времена II каганата.

Нами при этом учитывалось то обстоятельство, что тамгообразная фигура горного козла, высеченная на верхней части стелы I в Хачы-Хову (подобно тому, как это было на стелах Бильге-кагана и Кюль-Тегина), относится к особому кругу изображений, датируемых древнетюркским временем. Такая хронология этих изображений, обоснованная в целом ряде наших работ [3], была поддержана многими исследователями [4]. Этим же временем некогда датировал подобные изображения и сам Л.Р. Кызласов [5]. Впоследствии он изменил точку зрения [6], нигде, впрочем, не разъяснив причины такой перемены своего мнения.

Какие же доводы приводятся Л.Р. Кызласовым в качестве основания передатировки комплекса Хачы-Хову и подобных ему памятников?

Особое значение имеет вопрос об изображении в виде «сдвоенных треугольников». Л.Р. Кызласов пишет, что это изображение «...напоминающее спаренные секиры или боевой молот с ручкой, подобный найденному нами (Л.Р. Кызласовым. — А.Г.) в одной из цист могильника Шанчиг (VII-VI вв. до н.э.)» (стр. 44). Однако довольно трудно представить, каким образом «сдвоенные секиры» могут одновременно напоминать боевой молот. Если же говорить конкретно о шанчигском молоте, то достаточно обратиться к публикации [7], чтобы убедиться в том, что его конфигурация не имеет ничего общего с очертаниями знака, высеченного на стелах в Хачы-Хову. (46/47)

Датировка комплекса Хачы-Хову временем «уюкской» культуры предлагается Л.Р. Кызласовым ещё и на том основании, что «совершенно аналогичные изображения козлов, тамгообразных знаков, „секир” или спаренных треугольников нередко встречаются на оленных камнях и на стелах, стоящих внутри оградок на территориях Монголии и Тувы» (стр. 44). Необходимо, во-первых, со всей ясностью указать, что оленные камни и стелы, установленные внутри оград, относятся к совершенно разным категориям памятников. Во-вторых, если говорить об оленных камнях, то легко убедиться, что изображения на стелах из Хачы-Хову и изображения на оленных

камнях ни в чём не совпадают. Очевидно, именно этим объясняется то, что Л. Р. Кызласов «не заметил» сцену охоты на стеле I, ибо подобные сцены вообще не характерны для оленных камней. Что же касается ссылок, которые даются Л.Р. Кызласовым на работы авторов, исследовавших и публиковавших оленные камни, то проверка этих ссылок не подтверждает их правомерности; если даже считать, что фигура на подземной части оленного камня из Сосновки Тандинского района Тувы [8] представляет собой изображение горного козла, то нетрудно обнаружить, что она не имеет ничего общего с фигурой горного козла на стеле I из Хачы-Хову (расположенной, кстати, на вечнозеленой части стелы, что весьма важно!); изображение на оленном камне из Завханского аймака МНР, опубликованное В.В. Волковым [9], не имеет никакого сходства со знаком в виде спаренных треугольников; стелы со знаками из Цаган-Гола (Монгольский Алтай), опубликованные И.Г. Гранэ [10], не относятся к числу оленных камней и, следовательно, не указывают на принадлежность комплекса Хачы-Хову к скифскому времени.

Непонятны ссылки на работу Ю.Б. Симченко «Тамги народов Сибири XVII века», очень ценную в своей области, однако не имеющую отношения к оленным камням. Изображения же в таблицах, на которые ссылается Л.Р. Кызласов [11], принадлежат вогулам XVII века и, к тому же, среди них нет ни одного, в чём-то сходного с изображениями на стелах из Хачы-Хову. И поэтому опасения Л.Р. Кызласова, что «курьёзное происшествие» со стелами из Хачы-Хову якобы может привести «в дальнейшем к ошибкам как в археологии, так и в тюркологии» (стр. 45), представляются совершенно напрасными.

Неправомерно и утверждение Л.Р. Кызласова, что в кольцевых выкладках находились кальцинированные кости животных, свидетельствующие о том, что это «...остатки жертвенно-поминальных костров, на которых уюкцы сжигали мясо жертвенных животных» (стр. 46), а не погребения с трупосожжением. В выкладках (как в Хачы-Хову, так и в верховьях Хемчика) были обнаружены фрагменты именно кальцинированных человеческих костей, и это в свое время было установлено Сектором антропологии Института этнографии Академии наук СССР. К тому же общеизвестно, что следы костров, на которых сжигалось бы мясо жертвенных животных, никогда не обнаруживались в археологических комплексах скифского времени Тувы.

(47/48)

Подробные данные о раскопках комплекса Хачы-Хову опубликованы в моей, упоминавшейся выше, работе о древнетюркских комплексах с трупосожжением и сопутствующих этим комплексам поминальных сооружениях.

Обращает на себя внимание и неточность в цитировании Л.Р. Кызласовым тюркологических трудов. Так, Л.Р. Кызласов пишет: «Как установил Дж. Клосон, знак в виде спаренных треугольников в древнетюркском руническом алфавите отсутствовал. Не включил его в таблицу орхоно-енисейских рун и А.М. Щербак (здесь следуют ссылки на работы Дж. Клосона и А.М. Щербака. — А. Г.). Очевидно, что в данном случае ни о каких древнетюркских надписях не может быть и речи» (стр. 45).

Обратившись к работам А.М. Щербака и Дж. Клосона, мы обнаруживаем там нечто совершенно обратное. Так, А.М. Щербак, в частности, пишет следующее: «Особенно часто вносятся коррективы в чтение знака ►◄. В. Банг рассматривал его как идеограмму для *баиш* в значении „голова, вершина горы“, Р. Жиро считал указанный знак своеобразной лигатурой, передающей сочетание *ча (чä)*, а Дж. Клосон — лигатурой, передающей сочетание *лiк* или *пiк*» [12]. Таким образом, А.М. Щербак вовсе не исключает упомянутый знак из числа начертаний древнетюркской письменности, а в сопоставительную таблицу он не включает его, по-видимому, из-за наличия разночтений.

Что же касается Дж. Клосона, то он включил этот знак в таблицу реально существовавших знаков древнетюркской письменности, но объяснил его иначе, чем в большинстве тюркологических работ, считая лигатурой, то есть сочетанием следующих друг за другом двух знаков [13].

Л.Р. Кызласов почему-то не упоминает и о том, что знак, который он стремится исключить из числа начертаний древнетюркского рунического письма, присутствует и в таблице С.Е. Малова [14]. О принадлежности этого знака к древнетюркскому алфавиту говорилось и на

страницах специальных республиканских изданий [15]. Присутствует этот знак и в нормативной грамматике Т. Текина [16].

Вывод из всего изложенного может быть только один. Стремление Л.Р. Кызласова перенести раннюю группу памятников древнетюркского времени в другую историческую эпоху ничем не оправдано и бездоказательно.

[1] Л.Р. Кызласов утверждает, что нами был обследован комплекс Хачы-Хову, якобы обнаруженный им в 1957 году. В действительности памятники эти были впервые обследованы нами в 1955 году (см.: А.Д. Грач. Дневник полевых исследований 1955 г.. Тувинский отряд Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР. Архив Ленинградской части ИЭ АН СССР, ф. К-1, д. 559, лл. 28-29, рис. 28). В первом обследовании памятников принимал участие М.Х. Маннай-оол — тогда студент исторического факультета ЛГУ, ныне кандидат исторических наук, заведующий сектором истории ТНИИЯЛИ, в течение многих лет бывший начальником различных археологических экспедиций ТНИИЯЛИ. В 1961 году комплекс в долине Хачы-Хову был нами полностью раскопан, а затем и опубликован (см.: А.Д. Грач. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии. — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 207-213). Что же касается «открытия» этих памятников Л.Р. Кызласовым, то состоялось оно значительно позднее, после первого их обследования, ибо результаты работ 1955 года были доложены нами на пленуме, посвященном итогам археологических исследований, состоявшемся в Ленинграде в апреле 1956 года, на котором присутствовал и сам Л.Р. Кызласов. Повторное же «открытие» комплекса в долине Хачы-Хову Л.Р. Кызласовым, по его собственным словам, состоялось лишь в 1957 году.

[2] В упомянутой статье Л.Р. Кызласова неточны почти все приводимые им данные о размерах памятников: размеры северо-восточной ограды не 2.1x1.6 м, а 2.38x1.5 м, высота установленной в ней стелы (от дневной поверхности) не 1.75 м, а 1.81 м, размеры стелы по сечению не 0.4x0.3 м, а 0.48x0.24 м, размеры юго-западной ограды не 2.2x1.7 м, а 1.85x1.63 м, высота установленной в ней стелы (от дневной поверхности) не 2.4 м, а 2.38 м, размеры стелы по сечению не 0.64x0.4 м, а 0.7x0.4 м. К тому же рассматриваемый комплекс находится не в 12, а в 10 км к северо-востоку от поселка Саглы (Кызыл-Тей).

[3] См., например: А. Д. Грач. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. — «Тюркологический сборник, 1972». М., 1973, стр. 316-333.

[4] См.: В.А. Ранов. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир). — «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. I (22). Душанбе, 1960, стр. 26-27; его же. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте. — «Искусство таджикского народа», вып. II. Сталинабад, 1960, стр. 125-126; А.Г. Максимова. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. — «Вестник АН Казахской ССР», 1958, № 9 (162), стр. 110; Д. Дорж. К истории изучения наскальных изображений Монголии. — «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 50, 53-54; С.И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956-1957 гг. — «Ученые записки ТНИИЯЛИ», вып. VI. Кызыл, 1958, стр. 226; Д.Г. Савинов. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (некоторые общие вопросы изучения). — «Вестник ЛГУ», № 20, вып. 4. Л., 1964, стр. 143-145; его же. Вопросы изучения петроглифов древнетюркского времени Центральной и Средней Азии. — «Тюркологическая конференция в Ленинграде. Филология и история тюркских народов (Тезисы докладов)». Л., 1967, стр. 69; А.П. Окладников. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 года). — «Советская этнография», 1962, № 1, стр. 90; А.А. Формозов. Очерки по первобытному искусству (Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР). М., 1969, стр. 76; В.Е. Ларичев. Азия далёкая и таинственная (Очерки путешествия за древностями по Монголии). Новосибирск, 1968, стр. 255-256.

[5] Л.Р. Кызласов. Исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1955 гг. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1959, стр. 215; его же. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III. Фрунзе, 1959, стр. 108.

[6] Л.Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI-VIII вв.). — «Вестник МГУ», серия IX, 1960, № 1, стр. 69.

- [7] М.Х. Маннай-оол. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970, рис. 4, 2.
- [8] М.Х. Маннай-оол. Указ, раб., рис. 2, 4.
- [9] В.В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. 24, 1.
- [10] I. G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und Nordwestmongolei im Jahre 1909. — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVIII, Helsinki, 1912, табл. X-XI.
- [11] Ю.Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965, табл. 9, 19, 65.
- [12] А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — «Тюркологический сборник. 1970». М., 1970, стр. 125-126.
- [13] Gerald Clauson. The Origin Turkish «Runic» Alphabet. — «Acta Orientalia», t. XXXII, 1970, стр. 51-76 (табл. на стр. 75).
- [14] С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности (Тексты и исследования). М.—Л., 1951, табл. на стр. 17.
- [15] А.С. Аманжолов. Графика таласских, енисейских и орхонских надписей. — «Казак тіл мен әдебиети», вып. 3. Алма-Ата, 1973, стр. 20, табл. II.
- [16] T. Tekin. Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1969, стр. 25.